

Mona Lisa SCHULZ
AWAKEING INTUITION

Перевод с английского А. Озерова.

Шульц Л.
Ш 95 Язык интуиции. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с. (Серия «Психологический бестселлер»).

ISBN 5-04-009175-3

Многие из нас доверяют своей интуиции, хотя не могут объяснить механизм «озрений», которые дают подсказку к решению сложных проблем или предупреждают от неразумного шага.

Лайза Шульц — известный психолог, «интуитив», обучает своих пациентов расширять границы своих интуитивных способностей, с помощью которых можно лучше понять тончайшие связи между разумом, телом и эмоциями.

Память — это краеугольный камень интуитивной сети. Некоторые воспоминания способны помочь исцелению или, наоборот, — спровоцировать болезнь.

Они могут проявляться даже в виде отдельных симптомов, расшифровывать которые мы также можем обучить свою интуицию.

Осознав свою силу и уязвимость, подключив развитую интуицию, мы сами выбираем: наслаждаться ли нам здоровьем и эмоциональной гармонией или терпеть тяготы болезней и непредвиденных обстоятельств.

ББК 88.5

© 1998 by Mona Lisa Schulz
© Озеров А. Перевод, 2001
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО».
Издание на русском языке, 2002
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс».
Оформление, 2002

ISBN 5-04-009175-3

Оглавление

Введение. 7

Часть I. ИНТУИТИВНАЯ СЕТЬ

ГЛАВА 1

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ: ПРАВДА ОБ ИНТУИЦИИ 29

ГЛАВА 2

КОГДА БОГИ ПОДАЮТ ЗНАКИ:
ИНТУИЦИЯ СНОВ 52

ГЛАВА 3

НА ЗАПАД, НА ВОСТОК — ВОКРУГ МОЗГА 71

ГЛАВА 4

ВОСПОМИНАНИЯ: ПАМЯТЬ УМА И ТЕЛА 108

Часть II. ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС: ЯЗЫК ИНТУИЦИИ

ГЛАВА 5

ЯЗЫК ТЕЛА: СМЫСЛ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ . . 137

ГЛАВА 6

КРОВЬ И ПЛОТЬ (КОСТИ): БЕСПОМОЩНОСТЬ
И БЕЗЫСХОДНОСТЬ 173

ГЛАВА 7

ПОЛОВЫЕ ОРГАНЫ И ПОЯСНИЦА:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ
ВЛЕЧЕНИЯ 204

ГЛАВА 8

ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫЙ ТРАКТ:
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И САМОУВАЖЕНИЕ . . . 245

ГЛАВА 9	
СЕРДЦЕ, ЛЕГКИЕ И ГРУДЬ: ЭМОЦИИ, БЛИЗОСТЬ И ЗАБОТА.....	271
ГЛАВА 10	
ЩИТОВИДНАЯ ЖЕЛЕЗА, ГОРЛО И ШЕЯ: ОБЩЕНИЕ, ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ И ВОЛЯ	316
ГЛАВА 11	
МОЗГ И ОРГАНЫ ЧУВСТВ: ВОСПРИЯТИЕ, МЫШЛЕНИЕ И МОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ .	345
ГЛАВА 12	
МЫШЦЫ, СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ТКАНИ И ГЕНЫ: ЦЕЛЬ В ЖИЗНИ.....	368
Часть III. ПОДКЛЮЧЕНИЕ К СЕТИ ИНТУИЦИИ	
ГЛАВА 13	
ВАША ИНТУИТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ВИДЫ ИНТУИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ.....	399
ГЛАВА 14	
ВАШ ИНТУИТИВНЫЙ ПРОФИЛЬ	418

Если б врата познания были распахнуты, людям открылась бы бесконечность.

Вильям Блейк

Введение

Я врач, медицинский интуитив. Я даю консультации по телефону, основанные на интуиции. Человек звонит мне и сообщает только свое имя и возраст. После чего я, никогда не видевшая этого человека, провожу заочное «чтение». Одновременно определяю физическое и эмоционально-психологическое состояние клиента и объясняю, как то и другое связано между собой. После завершения «чтения» клиенты неизменно реагируют одинаково. Одни изумленно восклицают: «Как вы это делаете? Я бы никогда так не смог. У меня нет интуиции». Другие безучастным тоном сухо заявляют: «Я и сам знал». Хотя они знали на интуитивном уровне, они не верили — или не признавались себе, — пока я, совершенно незнакомый человек, не выразила это для них в ясной форме.

Многие люди не верят в то, что у них есть интуиция, либо в интуицию вообще. Они отказываются признавать интуицию, которая проявляет себя во всей их жизни. Меня часто спрашивают: «Вы действительно верите в то, что существует такая вещь, как интуиция?» Задавать мне такой вопрос — все равно что спрашивать меня о том, верю ли я в витамин С или верю ли в то, что существуют Гавайи. Я никогда не была на Гавайях. И не особенно разбираюсь в том, как действует витамин С. Но признаю, что они существуют. Что касается интуиции, я не просто верю в ее существование. Я знаю, что она есть. И, вопреки бытующей

щему мифу, она существует не только среди людей, наделенных особым даром, полученным ими от Бога. Интуиция — это всего лишь еще одно чувство, такое же реальное, как зрение, слух и осязание. Более того, это чувство, которым обладаем все мы. Мы все интуитивы.

Я признаю, что принятие наличия интуиции в вашей жизни и формирование решений на ее основе может потребовать значительной веры от вас — так, всем нам приходится принимать на веру, что Нейл Армстронг и другие астронавты действительно ступали по поверхности Луны. Многим людям, а может быть, и большинству, придется бороться с природной недоверчивостью — а это трудное испытание, прежде чем они научатся доверять своей интуиции. Тем не менее способность расшифровывать уникальный язык вашей интуиции может оказать вам неоценимую помощь в создании более счастливой, здоровой жизни и более здорового тела. Ибо интуиция и есть тот импульс или сигнал, который подают нам наши мозг и тело, чтобы помочь заглянуть в прошлое, понять его и тем самым найти решение проблемы.

Вот что предназначена раскрыть вам эта книга: у каждого человека, способного мыслить и имеющего воспоминания, по определению должна быть интуиция.

И самое главное: вы можете использовать ее, чтобы обрести здоровье и сделать свою жизнь более радостной.

Когда с нами случается что-то важное, эмоционально значимое событие в закодированном виде сохраняется в нашем мозге. Возможно, мы даже не подозреваем об истинном значении каких-то событий для нас, и тем не менее память о них будет оказывать влияние на все, что мы де-

лаем, начиная с того, кого мы выбираем в качестве друзей, и кончая выбором профессии. Восстанавливая воспоминания, хранящиеся в нашем мозге, мы способны понять то, как прошлое постоянно воздействует на наше сознание и на наши ежедневные поступки и действия.

Кроме того, есть и другая память — переживания и эмоции также систематически отпечатываются в зашифрованном виде во всех тканях и органах нашего тела. Эти воспоминания и эмоции говорят с нами не через проявления рассудочной деятельности нашего мозга, а посредством симптомов и заболеваний телесных органов. Множество научных исследований указывает на то, что с заболеваниями тех или иных органов связаны определенные эмоционально-психологические модели поведения; другие исследования подтверждают существование связи между определенными воспоминаниями и эмоциями и некоторыми типичными заболеваниями органов, такими, как рак груди, коронарная болезнь сердца и болезнь Паркинсона.

Наш рациональный ум сталкивается с трудностями в понимании того, как болезненные воспоминания и переживания могут вызывать разбалансирование организма и приводить к болезням. Традиционная и даже альтернативная медицина и психотерапия не всегда способны помочь страдающим людям. Ключ к исцелению находится в подсознании. Если мы сможем извлечь на свет хранящиеся в нашем теле воспоминания и перевести их в план сознания, мы обретем новое, нерассудочное понимание того, как прошлое влияет на настоящее, на наше сознание и поступки. Мы сможем сделать это, если научимся подключаться к тому, что я называю интуитивной сетью, которая поможет нам найти путь к более здоровой жизни, вместо того чтобы позволять воспомина-

ниям прошлого и прежним поведенческим моделям продолжать воссоздавать болезненные переживания.

Хотелось бы мне сказать, что я постигла связь между воспоминаниями, снами, интуицией и исцелением из курса медицины в колледже или, еще лучше, благодаря божественному озарению. Увы, к пониманию этой связи мне пришлось прийти тем же путем, каким, полагаю, приходят многие люди, — а именно через болезнь.

Я всегда была интуитивом, хотя не понимала этого. Мое первое осознание того, что я обладаю интуитивными способностями, связано с воспоминаниями из раннего детства. Каждый вечер после ужина отец занимался арифметикой с моей старшей сестрой. Он учил ее сложению, вычитанию и умножению, и всякий раз, когда она давала неверный ответ, у меня интуитивно вырывался правильный, хотя в то время мне было только пять лет. Отец кидал на меня изумленный взгляд и спрашивал, как я решила задачу. «Просто догадалась», — отвечала я. Недоверчивое выражение его лица вызывало у меня беспокойство; довольно скоро догадливость у меня начала ассоциироваться с неодобрением. Родители были склонны приписывать мои замечательные способности интеллекту, который, как я быстро поняла, они считали более предпочтительным.

Таким образом, уже с ранних лет я усвоила установку — и, полагаю, такую установку дают большинству из нас, — что интуиция — это плохо, а интеллект — это хорошо. Интуиция вызывает подозрение, в то время как интеллект — восхищение.

Эта установка, несомненно, еще более укоренилась во мне, когда родители, обеспокоенные тем, что я не совсем нормальная, отвели меня в

семилетнем возрасте к психологу для обследования. Хотя я была признана здоровой, для меня стало ясно, что надо забыть об интуиции и постараться добиться того, чтобы меня считали «умненькой». За это я и принялась. Результаты в первые четыре года моей школьной жизни были не очень утешительными. Та же самая математическая задача, которую я интуитивно решала всего несколько лет назад, теперь приводила меня в столь же полное замешательство, как когда-то мою сестру, и заставляла меня просиживать за столом часами, пока все друзья играли на улице. Однако я не сдавалась. Я упорно старалась максимально использовать свои интеллектуальные возможности, и в пятом классе (отчасти, может быть, благодаря молитвам, которые я возносила Богу) все, казалось, изменилось в лучшую сторону. Учителя сообщали моим обрадованным родителям, что я лучше всех учусь по всем предметам и что со мной будут заниматься по ускоренной программе.

Я усвоила, что за интуицию очки не начисляют; вы получаете их за интеллект. С тех пор я стала развивать интеллект и подавлять интуицию. Никогда не умея делать что-либо вполсилы, я трудилась столь упорно, чтобы зарабатывать свои очки, что в конце концов добилась докторской степени по медицине и философии. Вас, вероятно, не удивит, что степень доктора философии я получила за работу по нейрофизиологии и по бихевиористской (поведенческой) неврологии — за исследование мозга и интеллекта, этого общепринятого способа познания.

Однако в то же время, как я вписывала в свою биографию научные степени и публикации, я также пережила потрясение, которое постепенно открыло мне глаза на истину, что только мой мозг и интеллект могли завести меня так далеко. Во время первого года пребывания в университе-

те Брауна у меня было диагностировано расстройство, похожее на нарколепсию — заболевание, при котором мозг получает сигнал спать и незамедлительно посылает этот сигнал организму. Другими словами, вы неожиданно засыпаете, где бы вы ни находились и чем бы вы ни занимались в этот момент, принимаете ли вы душ или ходите по магазинам. Несмотря на то что я всю жизнь засыпала в необычных местах и в необычное время, я научилась жить с этой проблемой и достаточно умело ее маскировала. Я овладела искусством после пробуждения быстро по кусочкам восстанавливать картину того, что происходило, пока я «отсутствовала». Я научилась, например, внимательно следить за разговором во время ужина в гостях, с тем чтобы легко подхватить нить разговора, если бы вдруг неожиданно отключилась на минуту-другую. Я ходила на фильм по два-три раза, чтобы составить себе целостное представление о нем. Например, «Амадея» смотрела четыре раза, прежде чем мне пришло в голову, что Моцарт прожил далеко не счастливую жизнь. Даже заснула во время своего первого свидания! Я могла засыпать стоя, сидя, прямо на ходу. Моя жизнь была постоянным повторением знаменитой сцены из «Волшебника Изумрудного города», в которой Дороти, Лев и Тотошка, бежавшие через маковое поле, упали на землю, охваченные непреодолимым желанием спать.

Довольно долго мне удавалось успешно маскировать свою проблему. Я говорила себе, что просто устала и что знающие меня люди научатся не замечать этой моей небольшой странности.

Хотя я считала, что держу все под контролем, напряженность занятий усиливала расстройство, что пугало моих знакомых. Я не знала другого способа жить, но одна моя знакомая, с которой мы делили комнату, предложила обратиться за помощью к специалистам, когда увидела, как я

заснула, крутя педали на тренажере. Периоды внезапного засыпания участились и стали более продолжительными. Я больше не могла маскировать свою болезнь. Мой интеллект все меньше был способен контролировать то, что, по-видимому, происходило в нерассудочной, неинтеллектуальной сфере моей психики. В конце концов меня убедили показаться врачам и пройти обследование.

После того как у меня было выявлено расстройство, сходное с нарколепсией, мне пришлось принимать целый ряд препаратов, которые дали побочный эффект, отразившись на моих мыслительных способностях. Мне стало очень трудно сосредоточиваться, читать и писать. Впервые в жизни я не могла справиться со своими проблемами только за счет интеллекта. То, на что я так полагалась и над чем так упорно работала, теперь отказывало мне в помощи.

Оставалось одно — вернуться к интуиции.

Я взяла академический отпуск по болезни, переехала в Бостон и нашла работу в научно-исследовательской лаборатории. Я понимала, что у меня могут возникнуть трудности с чтением инструкции к проводимым экспериментам, но надеялась, что как-нибудь справлюсь. Просто придется почаще использовать свою интуицию.

Скоро я стала известна в лаборатории как человек с большой интуицией. Мой начальник научился извлекать из этого выгоду. Он обнаружил, что, даже если он терял где-нибудь в лаборатории важную папку, я могла точно указать ему, где она находится. Правда, в других ситуациях он не считал мою способность столь полезной. В лаборатории мы регулярно делали ставки на футбольном тотализаторе и каждую пятницу просматривали расписание матчей на неделю, заключали пари на победителей и счет в матчах. Мои сведения о футболе сводились к нулю, и все знали об этом. Тем

не менее я выигрывала столь часто, что коллеги в конце концов перестали заключать со мной пари. Думаю, последней каплей, переполнившей чашу их терпения, был тот случай, когда я сделала ставку на победу «Грин-Бей» (ставка была 1 к 11) с разницей в 6 очков над «Далласом», обладателем Суперкубка. «Откуда ты могла узнать об этом?» — кисло спросил мой начальник, передавая мне пятьдесят долларов.

Вскоре, однако, я с лихвой компенсировала ему потери. У нас возникли проблемы с исследованием, в котором мы пытались создать искусственные гонорейные клетки, или липосомы, заключенные в жировую оболочку гонококки. Что бы мы ни делали, клетки постоянно просачивались, как сквозь решето. Начальник был недоволен и очень сердит. Однажды он склонился над моим рабочим столом. Ткнув в меня пальцем, раздраженно спросил: «Что ты собираешься делать с этим?»

Подняв к нему глаза, я выпалила: «Мы попробуем альфа-глюкозидазу!» — в то же самое время задавая вопросом, что такое альфа-глюкозидаза и с чем ее едят, а главное — откуда мне в голову пришла такая идея!

Начальник явно тоже был озадачен. Он скептически смотрел на меня: «Что это даст? Откуда у тебя возникла такая идея?»

Я попросила его оставить меня на некоторое время в покое, чтобы сделать подробное описание эксперимента, которое бы ответило на его вопросы и многие другие, если бы они возникли в дальнейшем. И тут же отправилась в библиотеку в поисках сведений об альфа-глюкозидазе. Покопавшись в справочниках, я поняла, как этот энзим (фермент) можно было бы использовать для создания искусственной гонорейной клетки. Сама поставила опыт в лаборатории, и все получилось! Позднее в том же году я представила до-

клад об этом эксперименте на научной конференции.

Мой начальник пребывал в эйфории — еще бы, такой успех. Хотя я тоже была счастлива, меня мучили вопросы. Я по-прежнему не понимала, откуда получила информацию для решения проблемы. Мне хотелось знать, каков источник интуитивной информации? Однако в который уже раз, вместо того чтобы принять интуицию и, к собственному удовлетворению, решить эти вопросы, я снова отмахнулась от всего.

Работая в лаборатории, я продолжала страдать от приступов сонливости, но научилась прибегать к помощи интуиции в тех случаях, когда интеллект отказывался подчиняться мне. Теперь, однако, врачи смогли предложить лекарство, которое блокировало приступы. Я была на седьмом небе от счастья. Как мне казалось, это означало, что я возвращаюсь к нормальной жизни. Я снова могла сосредоточиваться, читать и писать. Могла перестать полагаться на свою интуицию и вернуться к использованию интеллекта, вернуться к «нормальным» способам познания. Ключевым словом, конечно же, было слово «норма». Я полагала, что интуиция являлась компенсаторной реакцией на болезнь. Болезнь не является нормой, а потому интуиция тоже не может считаться нормой. А я была настроена на то, чтобы любой ценой стать нормальным человеком.

Я вернулась в университет. Мои академические показатели улучшились, и я упивалась своими интеллектуальными успехами. В то же время повернулась спиной к тому дару, который проявился во мне в связи с болезнью, — знанию о том, что в жизни есть нечто более важное, чем интеллектуальные способности.

Вскоре мне, однако, предстояло узнать, что, если вы не усвоили урок, который преподает вам

интуиция посредством болезни в первый раз, он повторяется, но уже в виде оглушительного удара.

В моем случае удар был буквальным. Спустя две недели после окончания колледжа я совершала обычную пробежку по подвесному мосту, когда сзади наехал автофургон и сбил меня. В результате были сломаны тазовые кости в четырех местах и несколько ребер, сдавлено легкое и раздроблена лопатка.

Врачи предположили, что у меня случился приступ сонливости, а это означало, что лекарство больше не действовало. Однако после анализов крови они поняли, что проблема гораздо серьезнее. Мой организм страдал непереносимостью этого лекарства. Я просила врачей назначить мне лекарственную терапию. Они отказались. Если кровяные клетки будут продолжать отмирать, сказали они, то я не выживу.

На этот раз я поняла намек. Я приняла сообщение, которое посылал мне мой организм, и, усвоив урок, теперь знала, что должна вернуться к использованию интуиции.

Снова начались приступы сонливости, поскольку новое лекарство, прописанное мне врачами, действовало не так эффективно, как первое. Акупунктура, физические упражнения и диета помогали контролировать их и свести к минимуму. Я пришла к пониманию того, что игнорирование некоторых эмоций только усугубит проблему. Например, беспокойство по поводу денег усиливало приступы. Тот же самый эффект оказывали отношения с некоторыми людьми; напротив, пребывание в одиночестве сказывалось благотворно. Так я впервые осознала истину, что мой организм говорит со мной — на языке интуиции — об эмоциях и проблемах в моей жизни, которые требуют внимания и решения.

Немалая часть энергии уходила на то, чтобы контролировать здоровье. Однажды подруга по-

советовала мне обратиться за консультацией к медицинскому интуитиву. И хоть я отчаянно нуждалась в помощи, к предложению отнеслась скептически и согласилась с неохотой. На встречу с женщиной, которую условно я назову Марисой, ехала автобусом до Бостона с двумястами долларами мелкими купюрами в бумажном пакете — все, что имела на тот момент. Я ожидала встретить полную пожилую женщину, похожую на цыганку, которая будет читать мне по руке и скажет, что я выйду замуж за красавца-мужчину, нарожаю кучу детей и проживу долгую и счастливую жизнь. Мариса же оказалась совершенно нормальной — никаких бус и длинных серег, никаких кристаллов или других подобных атрибутов гадалок, которые я ожидала увидеть.

Мариса села рядом и передала мне простое послание. Она спокойно сказала, что я могу прекратить приступы внезапной сонливости с помощью разума. В действительности, продолжила она, большая часть способностей моего разума и эмоций остается неиспользованной. Если я не разморожу свои эмоции и не приведу в гармонию ум и тело, то никогда не исцелюсь.

Ее слова задели меня, хотя во многом соответствовали истине. Однако, поскольку это было довольно общее заявление — все мы обладаем огромным запасом неиспользованных возможностей, — я потребовала рассказать что-нибудь конкретное о моем прошлом, назвать какие-то особые приметы. Мариса устремила взгляд куда-то вверх и в сторону и начала описывать эпизод из моего детства, когда меня заперли в чулане. Конечно, немало людей могут вспомнить о подобных травматических событиях, пережитых в детстве, но Мариса столь подробно и детально описала цвет, каким была выкрашена дверь чулана, и как она выглядела, и особенности дверных петель, замка и ручек, что просто привела меня в за-

мешательство. Убедившись в том, что она действительно читала в моем прошлом и настоящем, я удержала ее от дальнейших описаний.

Мариса не могла дать мне какого-то определенного совета, как разморозить эмоции, но отказалась принять деньги за консультацию. Это произвело на меня сильное впечатление. Я покинула ее офис, потрясенная открывшейся мне истиной. И, вернувшись в Провиденс, прямо с автобуса отправилась в книжный магазин. Когда я ходила между полками, одно название, казалось, просто бросилось мне в глаза — «В ваших силах исцелить себя» Луизы Хэй. Я купила книгу и немедленно начала практиковаться по ее методу положительного подкрепления. В течение двух месяцев, стоя перед зеркалом, снова и снова произносила фразы вроде: «Я заслуживаю хорошего здоровья», «Я достойна лучшего и принимаю это», «Я принимаю себя такой, какая я есть». Постепенно я училась (учила каждую клетку своего тела) тому, как любить и принимать себя, как прощать себя и как поверить в то, что я заслуживаю здоровья. К моему полному изумлению, это сработало. Приступы сонливости почти прекратились. В течение дня я сохраняла ясность сознания, могла читать, писать и сосредоточиваться. Постепенно под наблюдением нескольких друзей-медиков я отказалась от всех лекарств.

Мариса также сказала, что во мне имеется «замороженное озеро» интуитивных способностей и неиспользованных возможностей. Но хотя я знала, что мне необходимо учиться ценить все мои способности, а не только интеллектуальные и учиться ценить и уважать интуицию, целенаправленно я начала делать это только два года спустя. А пока меня послали на стажировку в городскую клинику — всегда переполненную, плохо укомплектованную и оборудованную. В пер-

вый же день в приемном отделении я должна была встретиться со своим первым пациентом — женщиной пятидесяти шести лет по имени Бэтти. Мне предстояло записать историю ее болезни, выяснить, почему она оказалась в больнице, и провести осмотр. Как только я услышала имя пациентки, я обнаружила, что мысленно вижу то, что происходит в ее теле. Одновременно я видела, что способствовало развитию болезни в эмоциональном плане. Женщину примерно 5 футов и 4 дюймов ростом, полную, испытывающую боль вверху живота с правой стороны. Она считала, что это, вероятно, желчный пузырь. Но я поняла, что боль связана с какой-то семейной обязанностью Бэтти, которая вызывала у нее противоречивые чувства.

Желая заранее составить план действий, я проверила в справочниках в ординаторской, какое обследование проводится при болях в правой стороне живота. Выписала все возможные заболевания с похожей симптоматикой и решила, какие анализы необходимо сделать, чтобы установить диагноз. Они включали функциональные анализы печени, особенно на выявление амилазы, и ультразвуковое исследование брюшной полости.

Придя в приемное отделение, я увидела мою пациентку — тучную женщину средних лет. Она держалась за правый бок. Бэтти направлялась на семейное торжество, на которое должны были съехаться все родственники, и очень расстраивалась, что разочарует свою семью, если не сможет присутствовать. Анализы и ультразвуковое исследование показали наличие камней в желчном пузыре. Я была счастлива. Так состоялось мое первое медицинское интуитивное прочтение.

Интуитивные способности помогли мне и в организационном плане. Со временем я стала работать быстрее и эффективнее, чем другие. Кроме

того, я использовала интеллект и интуицию более продуктивно. Моя интуиция, действуя заодно с интеллектом, сделала меня хорошим врачом.

У всех нас есть свои идеи фикс, которыми мы руководствуемся в жизни, — идеи, продиктованные нам жизненным опытом. Одни из них направлены на самоограничение: «Я обречена на борьбу»; «Денег никогда не будет достаточно»; «Никто никогда не поймет меня»; «Я всегда буду одинокой». В какой-то момент эти идеи могут материализоваться в виде симптомов недомогания, которые заставляют нас по-другому взглянуть на себя и на свою жизнь. Я считаю, как и многие мои коллеги-медики, что болезнь является сигналом к тому, чтобы выявить нарушенное равновесие в жизни и провести переоценку ценностей. Один из таких способов — понять язык болезни и психосоматических эмоций, которые соотносятся с некоторыми физическими симптомами. Нам необходимо научиться интерпретировать сигналы, посылаемые нам жизнью через посредство тела, уметь постигать уникальный язык интуиции.

Довольно долгое время я считала, что окружающие не смогут воспринимать меня, если я не буду как все. Я позволила этому страху управлять моей жизнью в течение многих лет. И не желала признавать чувства стыда и беспокойства, которые заставляли меня подавлять свою настоящую личность и отказываться от собственного «я». Только когда заболела серьезно, когда моя интуиция заговорила со мной на языке физических симптомов болезни, я признала невыраженные и подавленные эмоции, скрывавшиеся за недомоганием, и постаралась изменить свою жизнь.

Эмоции являются основной составляющей интуиции каждого человека, его внутренней интуитивной системы ориентации, которая направляет внимание на то, что неправильно в нашей

жизни, и побуждает нас изменить ситуацию. Альберт Эйнштейн сформулировал знаменитое уравнение: $E = mc^2$. Энергия равна ускоренной материи. Он говорил о физике, но его формула в равной мере применима к интуиции и здоровью. Многие медицинские интуитивы, «читая» пациентов, воспринимают их тела в виде так называемых энергетических полей. Само слово «эмоция» в переводе с латинского обозначает «движение» (ср. со словом «моцион»). Если мы не признаем и не выражаем наших эмоций, как поступала я в течение долгих лет, если мы лишаем их движения, тогда эмоции приводят в движение нас. Они ускоряют материю в нашем теле, сообщая клеткам организма движение, которое может приобрести форму болезни. Энергия болезни высвобождается только с помощью эмоций, которые мы храним в себе под спудом, словно радиоактивные отходы.

Многим людям трудно признать и принять реальность того, что эмоции в нашей жизни или память об эмоционально значимых событиях, хранящаяся в клетках организма, могут влиять на телесное здоровье. Однако посмотрите, каким странным образом возникает болезнь. Тридцать человек отправляются на пикник, все они едят плохо прожаренное мясо, однако только десять человек заболевают. Почему же кишечная палочка вызвала реакцию у тех десяти? Неужели это всего лишь дело случая? В известном эксперименте ученый и его лаборанты выпили жидкость, содержащую бациллу холеры. Естественно предположить, что все они тут же заболели холерой. Однако в действительности заразились только несколько человек. У остальных же никаких признаков инфекции обнаружено не было. Из этого следует вывод, что причина болезни не сама бактерия, а то, каким образом она взаимодействует с иммунной системой.

В реальной жизни, если вы сосредоточиваете внимание на возможностях, они становятся вероятностями. Ваше восприятие мира влияет на то, как мир воздействует на вас. Если вы убеждены, что мир — опасное место, чувство беспомощности и безнадежности усиливает подверженность болезням и ослабляет иммунную систему. Воспоминания о травмирующих эмоциональных переживаниях, запечатленные в клетках организма, воспоминания, связанные с эмоциями, которые вам не удалось полностью выразить, от которых не удалось освободиться, влияют на физическое здоровье. Если вы наполнены страхом перед миром или считаете, что можете легко заболеть, вы действительно рискуете больше, чем тот, кто считает мир прекрасным и кому несвойственно ощущение беспомощности и потерянности.

В этой книге вы увидите, как подобные воспоминания, заключенные в мозге и клетках тела, активизированные интуицией, пытаются побудить вас изменить свою жизнь, подталкивают вас в правильном направлении. С тех пор как я стала медицинским интуитивом, я постоянно встречаю подтверждения этому и в своей медицинской практике. Приведу в качестве примера такой случай. Мужчина-алкоголик, вспыльчивый и раздражительный, регулярно бил свою жену и потом испытывал угрызения совести. С ним случился удар, поразивший именно ту часть мозга, которая связывает эмоции с движением. Затем последствия удара прошли, и пациент снова мог двигаться.

Интуиция послала ему сообщение, предупредительный сигнал относительно его поведения. Ему была дана возможность измениться, перестать жестоко обращаться с женой. К сожалению, он не прислушался к голосу интуиции, проигнорировал ее сигналы и продолжал совершать насилие. В результате с ним случился второй удар, по-

разивший ту же область мозга уже с обеих сторон. Это было примечательно, поскольку, так как гнев является первичной и важнейшей защитной эмоцией, в мозге существуют многочисленные пути, по которым он движется. Представьте систему автострад вокруг Нью-Йорка; если на одном шоссе пробка, вы можете воспользоваться другими. Однако у этого мужчины все пути для передачи гнева оказались заблокированы кровоизлиянием. Он словно сделал себе фронтальную лоботомию. Теперь он мог только сидеть в инвалидном кресле — неспособный двигаться, неспособный испытывать эмоции. Казалось, что его душа, поскольку он отказался следовать своей интуиции, взяла инициативу на себя и просто устранила возможность агрессивного поведения в дальнейшем, сделав его нечувствительным к любым эмоциям или раздражителям.

В другом случае я стала свидетелем того, как пациентка смогла помочь себе, воспользовавшись интуицией. В первые дни моей работы в больнице за мной была закреплена сорокавосьмилетняя пациентка по имени Шейла, разведенная женщина с почечной недостаточностью. Я быстро снискала ее расположение, поскольку единственная из студентов могла брать кровь у нее из вены. Как-то днем она рассказала мне о своей жизни. В течение двадцати четырех лет она была замужем за мужчиной по имени Джо. Они вырастили троих детей и гордились тем, что смогли вырваться из бедности. Шейла была счастлива и довольна своим положением жены и матери, и своей карьерой секретаря в суде. Ей рисовалась долгая, радостная совместная жизнь с мужем, когда их дети вырастут и покинут родительский дом.

Вскоре после того, как младший ребенок уехал учиться в колледж, Шейла обнаружила, что у ее мужа связь с молодой женщиной. Он пере-

ехал к ней, оставив Шейлу одну впервые за все годы их долгой совместной жизни. Спустя шесть месяцев у нее сдали почки. Она была вынуждена уйти с работы по состоянию здоровья и залезть в долги, в уплату которых пришлось продать дом.

Врачи держали ее на гормональных препаратах, что стало причиной развития диабета. Моя задача, как наблюдающего врача-стажера, состояла в том, чтобы регулировать диабет. Лично я полагала, что в появлении почечной недостаточности сыграли свою роль переживания, связанные с изменой мужа. Но, будучи всего лишь студенткой, я не считала себя вправе сосредоточивать внимание на этой стороне болезни. Моя работа заключалась в том, чтобы обеспечивать квалифицированное медицинское наблюдение, основанное на симптомах, анализах крови и других лабораторных тестах.

Также я считала, что моя обязанность и в том, чтобы выслушивать жалобы и сетования. Как-то днем Шейла смотрела ток-шоу по телевизору, пока я брала у нее кровь — уже в миллионный раз, как мне казалось. По иронии судьбы, речь шла о мужьях, изменивших своим женам. Когда я наполняла кровью последнюю пробирку, Шейла начала отпускать замечания по поводу мужчин, участвовавших в передаче.

«Посмотрите на этого парня, с ним каши не сваришь, — сказала она. — Жене следовало бы выгнать его в шею».

Я оторвалась от своей работы и посмотрела на экран. Мужчина и вправду выглядел как настоящий неудачник, и я согласилась с ней.

После этого Шейла вдруг сказала: «Вы знаете, я только что поняла, почему у меня отказали почки. Я всю жизнь считала, что не смогу жить одна. А затем начались болезни. Я не заслужила того, как поступил со мной мой бывший муж.

Я чувствовала себя преданной, но по-прежнему думала, что не смогу жить без него. Но вы знаете, — продолжала она, и в ее голосе появилась твердая нотка, — это было два года назад. Теперь я понемногу научилась жить самостоятельно. Я выжила, и теперь я сильнее, чем тогда, когда была замужем. Мне кажется, теперь у меня все наладится».

Вскоре почки у Шейлы снова начали функционировать. Она смогла отказаться от стероидов, и диабет также перестал ее беспокоить.

Всю свою жизнь Шейла прожила в уверенности, что может существовать, только если рядом есть мужчина. Любой другой вариант казался ей невозможным. Затем, по воле судьбы или случая, от нее ушел муж, и она оказалась в ситуации, когда ее убежденности в том, что она может жить только в роли преданной жены и матери, был брошен вызов. Болезнь заставила Шейлу взглянуть в лицо своему страху. Благодаря интуиции она сумела прислушаться к посланию, скрывавшемуся за болезнью, посредством которой тело передавало ей, что с ней не все в порядке. Она примирилась с произошедшим и вышла из кризиса более сильной и мудрой, чем была прежде.

Я научилась понимать взаимосвязь между интуицией, воспоминаниями, снами и телом благодаря болезни, занимаясь научными исследованиями, благодаря врачебной практике и, наконец, практике в качестве медицинского интуитива. Но самое важное то, что я увидела, как другие начинают использовать свою интуицию, чтобы принять вызов, который бросает им жизнь, и исцелиться от болезни.

Вы тоже можете постигнуть язык вашего тела. Учитесь читать свои ощущения, сигналы внутренней дисгармонии и болезни, и вы сможете стать интуитивом.

Из этой книги вы узнаете, как воспомина-

ния, заключенные в нашем мозге и клетках тела, общаются с нами посредством чувств, ощущений, боли и болезни. Вы узнаете, как сны, вызванные душевным кризисом, помогают нам заглянуть в возможное будущее. Наконец, вы научитесь понимать уникальный язык вашей собственной интуиции, чтобы с ее помощью создать более здоровую и счастливую жизнь.

ЧАСТЬ I
ИНТУИТИВНАЯ
СЕТЬ

Здравый смысл: правда об интуиции

Я чувствовал себя как астроном,
Звезду открывший в месиве
Вселенной.
Джон Китс

Мне особенно памятно одно из первых ночных дежурств в приемном отделении в бытность мою интерном. Приемное отделение напоминало сумасшедший дом. Не было ни минуты покоя. Пациенты поступали всю ночь — с гриппом, с травмами, в шоковом состоянии...

Ординатор гонял меня туда-сюда, давая указания. Бригада «Скорой помощи» внесла пожилую женщину, которая упала в обморок дома перед стиральной машиной. Ординатор осмотрел ее — казалось, что она в порядке. Жизненные показатели были стабильными. По всей видимости, женщина приходила в себя после обморока или приступа головокружения, или что там вызвало потерю сознания, и теперь отдыхала. Ординатор сказал, что он мог бы выписать ее, но, поскольку дома никто не мог за ней присмотреть, пожалуй, следует оставить больную на ночь в качестве так называемого социального пациента.

Моя функция состояла в том, чтобы зарегистрировать ее и поместить в палату в терапевтическом отделении наверху. Я вышла в коридор, по которому сновали люди, и направилась к пациентке. Когда я приближалась к ее каталке, во мне стало расти смутное, расплывчатое, но на-

стойчивое чувство, проступавшее, казалось, сквозь шум и суету вокруг. У меня вдруг возникло убеждение, взявшееся как будто совершенно ниоткуда, что, вопреки физиологическим показателям, с пациенткой не все в порядке.

Мне захотелось, чтобы ей сделали электрокардиограмму. Не спрашивайте, почему у меня возникло такое желание. Медицинская карта не содержала никаких указаний на проблемы с сердцем, а осматривавший ее врач не заметил ни малейших признаков сердечного приступа. Санитары уже были готовы отнести больную наверх. Я импульсивно спрятала карту — без нее пациента не могут отправить в палату — и поспешила к ординатору.

«Послушайте, — начала я, прочищая горло, — вы сказали, что с пациенткой все в порядке, но не могли бы мы для полной уверенности сделать ЭКГ?» Он посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся. Уверена, он подумал про себя: «Дотошный интерн!» Все считали меня такой. Возможно, именно поэтому доктор не стал возражать. «Хорошо, — сказал он, — распоряжусь, чтобы сделали ЭКГ». И я ушла.

Неизвестно почему, но мне казалось необходимо проверить медицинские записи в архиве. Я стремительно миновала два лестничных пролета — ноги несли меня туда словно по собственной воле, словно знали что-то такое, о чем мозг пока не догадывался. Как выяснилось, действительно ноги оказались мудрее головы. В архиве я обнаружила прежние медицинские карты пожилой женщины и заглянула в них. Моя интуитивная догадка подтвердилась. Из записей я узнала, что у пациентки давно проблемы с сердцем. А внизу ЭКГ показывала, что у женщины полным ходом развивается сердечный приступ.

Больную срочно поместили в реанимацион-

ное отделение. Мое внутреннее чувство не только спасло жизнь женщине, но также уберегло ординатора от серьезной ошибки.

То, что случилось со мной в ту ночь в приемном отделении, не является чем-то необыкновенным. Я пережила интуитивное озарение. Большинство людей испытывали что-либо подобное в тот или иной момент своей жизни, на работе или где-то еще. Мы все слышали истории о людях, которые, повинувшись внутреннему чувству (или предчувствию), в последнюю минуту изменяли планы и чудесным образом избегали катастрофы. Или о людях, которые в какой-то момент вдруг испытывали странное, необъяснимое ощущение, что где-то что-то не в порядке, а позже узнавали, что в тот самый момент с любимым человеком или другом случилось несчастье. Еще более обычные ежедневные внутренние подсказки, которые мы получаем: когда можно просить повышения, стоит ли добиваться свидания, надо бы позвонить домой, убедиться, что с ребенком все в порядке, — словом, обо всем, что касается повседневных дел. И, разумеется, есть еще сны — иногда пророческие, иногда символические, но часто позволяющие взглянуть на события дня в истинном свете.

Что такое интуиция?

Внутреннее чувство, озарение, сны — все это интуиция, которая подсказывает нам правильные решения во многих случаях жизни. Интуиция возникает, когда мы напрямую воспринимаем действительность — без посредства наших пяти чувств и независимо от рассудочных построений. По определению одного ученого, интуиция — это «способность приходить к верным заключениям на

основе неточных сведений». Очень точное описание того, что произошло со мной в приемном отделении. Я приняла правильное решение на основе недостаточных — по сути, несуществующих — данных. С чисто рациональной точки зрения, у меня не было никаких оснований для того, чтобы бежать в архив. Ничто не указывало на такую необходимость. В сущности, я здорово рисковала, делая это. Мой мозг говорил мне, что я должна зарегистрировать пациентку и заняться другими своими обязанностями, но мое тело заставило меня отправиться на казавшиеся бессмысленными поиски, следуя всего лишь за смутным ощущением. Тем не менее каким-то странным образом, вопреки фактам, я восприняла что-то, что на поверку оказалось правдой.

Откуда ко мне пришла информация? Ученые все еще не могут найти убедительного ответа на этот вопрос. Одна теория утверждает, что люди с исключительными интуитивными (или экстра-сенсорными) способностями в тех или иных областях просто обладают доступом к обширной сети информации, воспоминаниям, которые хранят в своем мозгу. Согласно этому объяснению, авиатехник, который может диагностировать сбой в работе летательного аппарата, оставшийся незамеченным другими, способен сделать это потому, что одна-единственная деталь вызовет в его памяти воспоминание о подобном случае с другим самолетом. Он извлекает его, и — хоп! — готовое решение найдено. Довольно элегантная теория, но у нее немало изъянов. Например, она никак не объясняет мой случай с пациенткой в приемном отделении. В тот момент я почти ничего не знала о ней. Ничто из моего опыта не могло сигнализировать мне на рациональном уровне о том, что с женщиной не все в порядке.

Более того, вполне возможно знать что-то на интуитивном уровне, не будучи специалистом. Моя подруга и коллега Кэролайн Мисс работала

в издательстве, когда обнаружила в себе способности медицинского интуитива. Она не имела специального образования и никогда не интересовалась медициной. Однако стоило ей подключиться к интуитивной сети, и она могла удивительно точно диагностировать состояние здоровья людей, зная лишь имя и возраст клиента.

Люди, которые всегда полагаются на интуицию в своей работе, не задумываются над тем, откуда получают информацию или почему интуиция помогает им в том, чем они занимаются. Они просто используют ее. Я имела возможность наблюдать проявление потрясающей интуиции в отделении интенсивной терапии. Как-то раз, будучи интерном, я дежурила в отделении и зашла в комнату для медсестер. Казалось, в тот момент трезвонили сигнальные звонки всех имевшихся в отделении пациентов — а в интенсивной терапии, поверьте мне, немало систем сигнального оповещения. Перед ярко освещенным экраном монитора спокойно восседали четыре медсестры, совершенно не замечавшие стоявшего вокруг трезвона. Одна с удовольствием ела рис со свиной, другая обглаживала крылышки цыпленка, еще две с аппетитом поглощали пончики. Я пребывала в замешательстве. Разве они не знают, что звонки могут означать начавшийся кризис у пациента? Почему же не реагируют? На их месте я уже мчалась бы во весь опор, чтобы проверить каждого пациента. И, разумеется, через десять минут я была бы без ног.

Каким-то образом медсестры знали, когда звонок означал что-то серьезное, а когда нет. Как раз когда я наблюдала за ними, зазвучал еще один тревожный сигнал, и одна из медсестер подняла глаза к монитору, бросила недоеденное крылышко и побежала по коридору. У пациента действительно был кризис. Очевидно, медсестра определила это всего лишь по звуку сигнализации и по

вспыхнувшей лампочке на экране. Этот феномен повторялся снова и снова. Почти со стопроцентной точностью, несмотря на то что медсестры игнорировали сигнальные звонки большую часть времени, они реагировали всякий раз, когда возникала угроза настоящего кризиса. Я снова была в замешательстве. Но когда спрашивала их, как они определяют, когда им следует реагировать, а когда не обязательно, они смотрели на меня непонимающе. Каждая пожимала плечами и говорила: «Я просто *знаю*».

Какой врач не слышал этого от медсестры, и притом неоднократно? Как и в случае с моей пожилой пациенткой в приемном отделении, состояние больного может казаться стабильным, однако медсестра, ухаживающая за ним всю ночь, будет настаивать на том, что ему становится хуже. «Откуда вы знаете? — спросит врач, ища объективных подтверждений. — Давайте посмотрим на результаты лабораторных анализов, на рентгенограмму». А медсестра может только ответить: «Я просто *знаю*». Интуиция — точный барометр медицинских сестер, но ни они, ни кто-либо другой не смогут сказать вам, откуда она происходит.

Внутреннее предчувствие Интуитивное знание

Слово «интуиция» происходит от латинского *intueri*, что означает «смотреть внутрь». Интуиция — это что-то, что мы видим, или слышим, или чувствуем внутри, внутренний язык. Интуиция как озарение представляет собой гораздо менее опосредованное явление, чем узнавание по образцу, которое основывается на внешней информации. В сущности, узнавание по образцу может выступать в качестве важной части интуиции, которой заведует правое полушарие. Но на самом деле источник интуиции — вся интуитивная сеть,

все системы жизнедеятельности. Точно так же и воспоминания, и опыт — то, что хранится в нашем мозге и что зашифровано в тканях и органах тела, — играют важную роль в интуитивном понимании. Однако первоначальное чувство, то «нутряное» ощущение, которое мы испытываем, когда интуиция приходит в действие, — это нечто другое. Ученые пытались классифицировать его как когницию (от лат. *cognitio* — «познание») — как часть рассудочного мышления, элемент мыслительного процесса, происходящего в мозге. Но интуиция является скорее восприятием, подобно восприятию через зрение, слух или тактильные ощущения, чем мышлением. Когда я провожу диагностику (или «чтение») клиента, вначале мне известно только его имя и возраст, больше ничего. Следовательно, я не могу строить диагностику на основе узнавания по образцу, по аналогии с эпизодами из жизни других людей, с которыми раньше встречалась, прежде чем не узнаю что-либо о клиенте благодаря интуитивному восприятию.

Древние греки считали, что интуиция имеет божественное происхождение. Когда древнегреческому математику Пифагору удалось сформулировать свою знаменитую теорему, он отправился в храм Аполлона и принес в жертву тысячу волов в благодарность за снизошедшее на него откровение.

Современные ученые, особенно те, кто изучает мозг, обычно отменяют эту идею. Мы склонны считать, что источник поведения человека и источник знаний находятся в мозге — сложном и многофункциональном органе. Но иногда случается что-то, что заставляет пересматривать такое убеждение. Я имею докторскую степень в области нейрофизиологии и бихевиористской неврологии, написала диссертацию о структурах мозга, отвечающих за моторику. Без преувеличения

могу сказать, что я прочитала почти все, что написано о неврологическом управлении движениями тела. До последнего времени я была убеждена, что мозг контролирует движение и двух мнений тут быть не может. Никаких исключений. Если какая-то часть мозга повреждается, значит, движения, которые контролируются этой частью мозга, должны нарушаться или полностью отсутствовать. Я читала об этом, я заучила это наизусть, наблюдала на практике. И никогда не сомневалась.

Но после одного случая от моей уверенности не осталось и следа.

В нашу больницу был доставлен мужчина, у которого случился припадок. Его подсоединили к электроэнцефалографу, однако за четыре дня аппарат не зафиксировал никаких колебаний в мозге. Две сделанные раньше магнитно-резонансные томограммы также не выявили серьезных отклонений. Врачи пришли к заключению, что припадок был скорее следствием конверсивного, или психического, расстройства, чем физического заболевания, и стали готовить пациента к выписке.

Я видела его только один раз и удивилась, заметив большую царапину на правой стороне лица. Он, очевидно, получил ее при падении, но в психиатрии мы редко сталкиваемся с тем, чтобы человек калечился во время конверсивного припадка, поскольку такого рода приступы мало напоминают настоящие конвульсии. Я отметила это про себя. Несколько дней спустя я проходила мимо комнаты медсестер, направляясь пообедать. Пациент шел мне навстречу вместе со своей женой. Внезапно он упал на пол.

Я пришла оценить его психическое состояние после того, как припадок закончился. В такой момент больной, у которого случился приступ, вызванный электрическими колебаниями в мозге, обычно испытывает сонливость, пребыва-

ет в состоянии, близком к коматозному, и дезориентирован. Чтобы проверить его способность ориентироваться, я спросила, какое сегодня число. Он посмотрел на меня, затем ответил: «Сегодня третье... четвертое... второе, четвертое, шестое, восьмое, кому это нужно?» Он не мог ориентироваться, а это указывало на то, что с ним случился настоящий припадок. Однако ответил очень сложной фразой, которую едва ли можно ожидать от человека, только что пережившего удар. Я была несколько сбита с толку. Единственное заключение, к которому я могла прийти, что с ним случился настоящий припадок, но имевший также и психическую основу. Я предложила провести дополнительное обследование пациента на предмет выявления каких-либо других возможных физических причин, поскольку чувствовала, что с ним не все в порядке.

К счастью, наблюдавшие его врачи сделали еще одну магнитно-резонансную томограмму мозга. То, что они обнаружили, явилось шоком для всех нас. У мужчины обнаружилась опухоль величиной с грейпфрут, огромное новообразование посередине мозга, которое, судя по всему, разрослось за шесть месяцев с тех пор, как пациенту в последний раз проводили ядерно-магнитную диагностику. Опухоль была столь большой, что распространялась на области двигательных навыков правого и левого полушарий, белое вещество под ними и речевую зону левого полушария — одним словом, на все. Известно, что клетки опухоли нефункциональны. Нас учили, что такой больной превращается буквально в растительное существо — парализованный, почти бессловесный, страдающий недержанием. Однако, не считая незначительной дезориентации, пациент выглядел совершенно нормальным и контролировал свой организм. Более того, неврологи утверждали, что он действительно совершенно нормален.

Врачи видели, что он ходит и разговаривает, подтвердили, что у него хорошие рефлексы, ощущения нормальны и нет никаких признаков слабости.

Возникает вопрос: что управляло этим человеком? Ясно, что двигательную и другие способности на той стадии нельзя отнести на счет биологии. Что-то вне его управляло им. Мне вспоминаются надписи на заднем стекле автомашин, которые можно увидеть на автостраде, гласящие: «Бог — мой второй пилот». Видимо, так было в случае с нашим больным. Разумеется, это событие заставило меня провести переоценку всего, что я знала о движении. Я полагала, что его источник находится в мозге. Теперь мне пришлось поверить, что что-то внешнее могло двигать мужчиной, что-то находящееся за гранью нормального объяснения, за гранью логики. Как знать, быть может, это душа?

Интуиция действует подобно автопилоту. Мы всегда считали, что мозг является вместилищем рационального знания, но возможно также, что он, кроме того, передатчик информации, которая приходит к нам другими способами? Вспомните мой случай с альфа-глюкозидазой в лаборатории. Я никогда не слышала об этом энзиме, и тем не менее его название пришло мне на ум именно в тот самый момент, когда я могла воспринять его и воспользоваться им.

«Черный рынок» знания

Интуиция вдохновляет нас на творческое восприятие жизни. Первый шаг на пути к постижению языка интуиции — стать открытым к принятию другого, кажущегося алогичным способа восприятия и получения информации. Для многих людей это проблематично. Из-за таинственной природы интуиции, а также рационализма

современной культуры большинство людей либо относятся к интуиции с недоверием, либо полностью ее отрицают. Даже те, кто верит в интуицию, склонны видеть в ней что-то необыкновенное, исключительную способность, которой обладают особо одаренные люди. Воспринимают ее как своего рода мистическую силу. А слово «мистический» имеет религиозный оттенок и превращает интуитива в некоего посвященного, имеющего доступ к знаниям, закрытым для остальных смертных. В действительности все это далеко не так.

Мистик вполне может быть интуитивом, но наличие интуиции отнюдь не превращает вас автоматически в мистика. У меня есть тетья — иммигрантка из Португалии, маленькая, полная, олицетворение всех земных качеств ее предков. В ней нет ничего от мистика, и, однако, она обладает редкостной интуицией.

В качестве медицинского интуитива я постоянно сталкиваюсь с широко распространенным представлением об интуиции как своего рода магической или сверхъестественной силе, способной помочь людям, переживающим кризис, ищущим понимания или способа повлиять на ситуацию. Ко мне приходят в надежде, что я смогу изменить ситуацию или каким-то образом повлиять на развитие болезни. Люди нелегко расстаются с этим заблуждением. Недавно ко мне обратилась семья за диагностическим «прочтением» четырехлетнего мальчишка с врожденным пороком кишечника. Врачи сказали, что единственный шанс для ребенка вести более или менее нормальную жизнь — это сделать колостомию, т. е. удалить ободочную кишку и заменить ее специальным мешочком для выведения кала. Родители были в отчаянии и надеялись, что я смогу сделать что-то, от чего опадет необходимость в операции. Но не в моих силах, и не в чьих других, совершить что-либо по-